

С. ЦВЕЙГ***Пломбированный вагон**
Ленин, 9 апреля 1917 года****Человек, живущий у сапожника
по мелкому ремонту**

Швейцария, маленький мирный островок, со всех сторон окруженный бушующим океаном мировой войны, в те четыре года — с 1915-го по 1918-й — постоянно была ареной действия волнующего детективного романа. Послы враждующих государств, год назад заходившие друг к другу в гости, составлявшие дружеские партии в бридж, нынче, встречаясь в роскошных отелях, чопорно проходят, не замечая один другого, как будто никогда не были знакомы. В коридорах занимаемых ими апартаментов непрерывно снуют какие-то странные личности. Делегаты, секретари, атташе, дельцы, дамы под вуалью и дамы без вуали — каждый с таинственным поручением. К отелям подъезжают шикарные автомобили с эмблемами иностранных государств, из машин выходят промышленники, журналисты, артисты и как бы случайно попавшие в страну туристы. Но едва ли не у каждого из них тоже свое чрезвычайное секретное поручение: что-то узнать, кого-то вы-

---

* *Стефан Цвейг* (1881–1942) — австрийский писатель, драматург, журналист. Автор множества романов, пьес, стихов и беллетризованных биографий. Был дружен с такими известными людьми, как Эмиль Верхарн, Ромен Роллан, Огюст Роден, Томас Манн, Зигмунд Фрейд, Джеймс Джойс, Герман Гессе, Герберт Уэллс, Поль Валери, Максим Горький, Рихард Штраус, Бертольд Брехт и др.

Цвейг полюбил русскую литературу ещё в гимназические годы, а затем внимательно читал русских классиков в период учёбы в Венском и Берлинском университетах. Когда в конце 1920-х в Советском Союзе стало выходить собрание сочинений Цвейга, он, по его собственному признанию, был счастлив. Предисловие к двенадцатитомному изданию произведений Цвейга написал Максим Горький.

** В 1943 г. вышла книга Стефана Цвейга «Звёздные часы человечества: двенадцать исторических миниатюр» (Stefan Zweig. Sternstunden der Menschheit: zwölf historische Miniaturen. Stockholm: Bermann-Fischer, 1943), в которой была опубликована историческая миниатюра *Der versiegelte Zug. Lenin, 9. April 1917* (Пломбированный поезд. Ленин, 9 апреля 1917 г.). В издании Stefan Zweig: "Briefe 1932–1942" высказано предположение, что миниатюра написана в июле 1936. На русском языке миниатюра впервые была опубликована в 1987 г.: Стефан Цвейг. Ленин, 9 апреля 1917 г. Перевод Л. Миримова. Вступительная статья А. Березиной (Нева, 1987. № 11).

следить; и портье, ведущий их в номер, и девушка, убирающая комнаты, — все они обязаны следить, подсматривать, подслушивать. Всюду друг против друга работают различные организации — в гостиницах, в пансионатах, на почтамтах, в кафе. И все то, что именуется пропагандой, — наполовину шпионаж, то, что имеет обличье любви, является предательством, и за любым явным делом каждого из этих вечно спешащих вновь прибывших скрывается на заднем плане какое-то второе и третье предприятие. Обо всем докладывается, все выслеживается; едва немец, какое бы звание он ни имел, какую бы должность ни занимал, появляется в Цюрихе, об этом тотчас же узнают в бернских консульствах стран-противников, а часом позже — в Париже. Целые тома вполне достоверных и вымышленных донесений мелкие и крупные агенты каждодневно переправляют атташе, а эти — дальше. Все стены — прозрачны, все телефонные разговоры подслушиваются, по обрывкам брошенных в корзину бумаг, по промокашкам восстанавливается корреспонденция, этот пандемоний оказывается в конце концов безумным настолько, что иной из героев этого детективного романа и сам перестает понимать, кто он — охотник или преследуемый, шпион или жертва шпионажа, предатель или кем-то предан.

Только об одном человеке мало что сообщается в эти дни — может, потому, что он очень незаметен, не посещает фешенебельные отели, не сидит в кафе, не принимает участия в пропагандистских мероприятиях, а замкнуто живет со своей женой у сапожника, занимающегося мелким ремонтом. Сразу же за Лимматом, в Старом городе, на узкой, старинной, горбатой Шпигельгассе живет он на втором этаже одного из крепко построенных домов с островерхими крышами; время и маленькая колбасная фабричка, стоящая во дворе, прокоптили этот дом. Соседи у этого человека — булочница, итальянец, актер-австриец. Хозяин и его домочадцы знают о нем лишь то, что он не больно-то разговорчив, да, пожалуй, еще, что он русский с очень трудно выговариваемым именем. То, что он много лет назад бежал из своей страны, что совсем небогат, не занимается никакими доходными делами, хозяйке прекрасно известно по скудной еде постояльцев, по их подержанному гардеробу, по тому, что весь их скарб умещается в небольшой корзине, привезенной ими с собой при въезде в квартиру.

Этот невысокий, коренастый человек крайне незаметен, и живет он очень незаметно. Он избегает общества, жильцы дома редко встречаются с острым, пронзительным взглядом его глаз с косым разрезом, редко бывают у него посетители. Но регулярно день за днем в девять утра он уходит в библиотеку и сидит там до за-

крытия, до двенадцати. Точно в десять минут первого он уже дома, а через сорок минут покидает дом, чтобы вновь первым быть в библиотеке, где сидит до шести вечера. А поскольку агенты, охотящиеся за сенсационными новостями, следят лишь за теми, кто много болтает, и поэтому понятия не имеют о том, что замкнутые, необщительные люди как раз и являются наиболее опасными носителями всевозможных революционных идей, то они и не пишут никаких донесений о незаметном человеке, живущем у сапожника по мелкому ремонту. В кругах социалистов знают, что в Лондоне он был редактором маленькой радикальной газетки русских эмигрантов, а в Петербурге его считают руководителем некоей особой партии, название которой не выговорить; но поскольку он резко и пренебрежительно высказывается о самых уважаемых членах социалистических партий и считает их методы неправильными, поскольку он держит себя недоступно и непримиримо, его оставили в покое. На встречи, которые он иногда по вечерам устраивает в маленьком кафе, где обычно собираются рабочие, является не более пятнадцати — двадцати человек, в основном молодежь, поэтому и терпят здесь этого чудака, как, впрочем, всех русских эмигрантов, подогревающих свои головы неимоверным количеством горячего чая и многочасовыми горячими спорами. Никто, однако, не принимает этого невысокого лобастого человека всерьез, и в Цюрихе не найти и трех десятков человек, которые считали бы для себя важным запомнить имя этого Владимира Ильича Ульянова, человека, живущего у сапожника по мелкому ремонту. И если бы тогда один из тех шикарных автомобилей, которые на больших скоростях носятся по городу от посольства к посольству, при несчастном стечении обстоятельств задавил этого человека, мир бы так и не узнал, что существовал на свете человек, носивший фамилию Ульянов, или Ленин.

Исполнение...

Однажды произошло это утром 15 марта 1917 года, библиотекарь Цюрихской библиотеки удивился тому, что стрелки часов уже показывают девять, а место, ежедневно занимаемое самым пунктуальным среди всех посетителей, пусто. Полдесятого, десять, а постоянный читатель не идет; он более не придет вообще. На пути в библиотеку он встретил русского друга, сообщившего ему, а точнее, возбужденно выпалившего потрясающую новость — в России разразилась революция.

Сначала Ленин не хочет этому верить. Он оглушен сообщением. Затем мелкими, быстрыми шагами спешит к газетному киоску,

стоящему на берегу озера. И вот, много дней часами дежурит он у редакции газеты, возле киоска в ожидании новостей из России. Это правда. Сообщения подтверждаются и с каждым днем вызывают в нем все более и более живой интерес. Сначала — лишь слухи о дворцовом перевороте и, по-видимому, о смене кабинета министров, затем низложение царя, приход к власти Временного правительства, дума, русская свобода, амнистия политическим заключенным: все, о чем он мечтал на протяжении долгих лет, все, ради чего он работал двадцать лет в нелегальных организациях, сидел в тюрьмах, был сослан в Сибирь, корпел в эмиграции — все это свершилось. И сразу показалось ему, что миллионы жертв этой войны погибли не напрасно. Не бессмысленно убитыми казались они ему теперь, а мучениками, погибшими за новое государство свободы, справедливости и вечного мира, который вот-вот наступит; опьяненным чувствует себя этот обычно холодный, рассудительный, расчетливый мечтатель. А как ликуют, как торжествуют теперь при этом замечательном известии сотни других, сидящих в своих эмигрантских комнатках в Женеве, Лозанне, Берне: можно возвращаться домой, в Россию! Можно возвращаться домой не с фальшивым паспортом, не под чужим именем с опасностью для жизни ехать в царскую Россию, а свободным гражданином в свободную страну. Уже собирают они свой скудный скарб, так как газеты печатают лаконичную телеграмму Горького: «Возвращайтесь все домой!» Во все концы посылаются письма и телеграммы: возвращаться, возвращаться! Собирайтесь! Объединяйтесь! Отдать всё за дело, которому они до последнего часа посвятили свою сознательную жизнь: за русскую революцию.

...И разочарование

Но через несколько дней эмигранты делают ошеломляющее открытие: русская революция, известие о которой так окрылило их сердца, совсем не та революция, о которой они мечтали, это совсем не русская революция. Это дворцовый переворот, инспирированный английскими и французскими дипломатами для того, чтобы помешать царю заключить мир с Германией, это не революция народа, жаждущего мира и прав для себя. Не революция, для которой они жили и готовы отдать жизнь, а козни военных партий, империалистов и генералов, не желающих, чтобы мешали их планам. И скоро Ленин и его товарищи по эмиграции начинают понимать, что приглашение вернуться назад не относится к тем, кто желает этой настоящей, радикальной революции, революции в духе Карла Маркса. Милюков и другие либералы уже дали ука-

зание закрыть им путь на родину. И если наиболее умеренных, высказывающихся за продолжение войны социалистов, таких, например, как Плеханов, уважительно провожают из Англии в Петербург с почетным эскортом подводных лодок, то Троцкого задерживают в Галифаксе, а других крайних — на границе России. На всех пограничных станциях стран Антанты лежат черные списки участников Циммервальдской конференции Третьего Интернационала. В отчаянии шлет Ленин телеграмму за телеграммой в Петербург, но их либо перехватывают, либо они остаются без ответа; в России прекрасно знают то, что не известно ни в Цюрихе, ни вообще где-либо в Европе — как силен и энергичен Владимир Ильич Ленин, как целеустремлен и смертельно опасен он своим противникам.

Безгранично отчаяние людей, страстно желающих вернуться на родину и лишенных этой возможности. Годы и годы на бесчисленных заседаниях своих генеральных штабов в Лондоне, Париже, Вене разрабатывали они стратегию русской революции. Каждая организационная мелочь была тщательно обдумана, проверена, обсуждена. На протяжении десятилетий они взвешивали в своих газетах теоретические и практические трудности, опасности, возможности. Всю свою жизнь этот человек вновь и вновь рассматривал, ревизовал, обдумывал лишь эти проблемы и пришел к окончательным формулировкам. И вот теперь, потому лишь, что его удерживают здесь, в Швейцарии, силой, он должен эту свою революцию отдать другим, которые ослабят ее, опошлят, заставят святую для него идею освобождения народа служить чужим государствам, чуждым народу интересам. Удивительная аналогия — Ленин в эти дни переживает то, что пережил в первые дни войны Гинденбург, который мысленно в течение сорока лет до тончайших подробностей разрабатывал русскую кампанию, перебрасывал войска, развертывал фронт боевых действий, стягивал его, а когда война началась, вынужден был сидеть дома в цивильном костюме и переставлять флажки на географической карте, наблюдать со стороны за успехами и ошибками генералов, ведущих эту войну. Самые безрассудные, самые фантастичные планы строит этот обычно холодный реалист, Ленин, в те дни отчаяния. Не арендовать ли аэроплан, чтобы на нем перелететь Германию или Австрию? Но первый же человек, который предлагает помощь, оказывается шпионом. Все более странными и путаными становятся планы побега: он пишет шведам, просит их позаботиться о шведском паспорте для него, хочет притвориться немцем, чтобы не отвечать на вопросы пограничной охраны. Разумеется, на следующее утро после полубредовой ночи Ленин сам понимает,

что все эти иллюзорные идеи невыполнимы*. Но одно ему твердо известно: он должен вернуться в Россию, он, а не другие должны делать революцию, подлинную, настоящую. Он должен вернуться, немедленно вернуться в Россию. Вернуться любой ценой!

Через Германию: да или нет?

Швейцария окружена четырьмя государствами — Италией, Францией, Германией и Австрией. Путь через страны Антанты закрыт Ленину как революционеру, путь через Германию или Австрию закрыт ему как русскому подданному, подданному вражеской страны. Но странное стечение обстоятельств: именно Германия кайзера Вильгельма готова оказать Ленину помощь, а не Россия Милюкова, не Франция Пуанкаре. Германии любой ценой нужен мир с Россией. Ведь Америка вот-вот объявит ей войну. Следовательно, революционер, который создаст в России трудности послам Англии и Франции, будет ей желанным помощником.

Но вступление в переговоры с кайзеровской Германией, которую он оскорблял, которой он в своих статьях угрожал сотни раз, — шаг чрезвычайно ответственный. Ибо появление во вражеской стране или проезд через нее во время войны, да еще с согласия неприятельского генерального штаба, является с точки зрения общепринятой морали поступком, квалифицируемым как государственная измена, и, конечно же, Ленин должен знать, что этим поступком он, прежде всего, скомпрометирует и свою партию, и дело своей жизни, его станут подозревать в том, что он является оплачиваемым агентом, посланным в Россию немецким правительством, и, если он, в соответствии со своей программой, добьется немедленного заключения мира, его навеки обвинят в том, что он встал на пути к заключению победного для России мира. Само собой разумеется, не только умеренные революционеры, но и большинство единомышленников Ленина приходят в ужас, когда он подтверждает свою готовность, в случае необходимости, следовать этому чрезвычайно опасному и компрометирующему решению. Смущенные, они напоминают, что уже давно через швейцарскую социал-демократическую партию ведутся переговоры об обмене русских революционеров на военнопленных — легальным и нейтральным образом. Но Ленин понимает, сколь долго будет этот путь, какие усилия приложит русское правительство, чтобы до бесконечности оттягивать их возвращение на родину, и знает также, как много для дела революции значит каждый день, каждый час. Он видит лишь цель, тогда как другие, менее прямолинейные,

менее волевые, не в состоянии пойти на поступок, по всем действующим законам и представлениям считающийся изменой. И, внутренне решившись, Ленин на свою личную ответственность начинает переговоры с германским правительством.

Договор

Понимая сенсационность и необычный характер своего шага, Ленин ведет эти переговоры с максимально возможной прямой. По его поручению Секретарь швейцарского профсоюза Фриц Платтен направляется к германскому послу, который уже до этого вел переговоры с русскими эмигрантами, и передает ему условия Ленина. Ибо этот незаметный, никому не известный эмигрант, как будто уже предчувствуя, что в самом скором времени авторитет его неизмеримо возрастет, не обращается к германскому правительству с просьбой, нет, он предъявляет ему условия, при которых он и его товарищи примут любезность германского правительства. За вагоном должно быть признано право экстерриториальности. Проверку паспортов и установление личности не проводить ни при входе в вагон, ни при выходе из вагона. Проезд эмигранты оплачивают по действующему тарифу. Пассажиры не покидают вагон ни по распоряжению властей, ни по собственной инициативе. Министр Ромберг передает эти условия далее. Они попадают в руки Людендорфа, который их несомненно поддерживает, хотя в своих мемуарах об этом всемирно-историческом, возможно самом значительном из принятых им в жизни, решении не говорит ни слова. Посол пытается внести некоторые изменения в протокол, намеренно составленный так неопределенно, что допускает проезд без проверок не только русских, но и австрийских подданных, например, Радека. Но спешит не только Ленин, германское правительство спешит тоже. Ибо в этот день, 5 апреля, Соединенные Штаты Америки объявляют Германии войну.

И вот, 6 апреля, в полдень, Фриц Платтен получает знаменательный ответ: «Вопрос решен в положительном смысле». Девятого апреля 1917 года в половине третьего пополудни из ресторана «Церингергоф» к цюрихскому вокзалу идет небольшая группа плохо одетых людей с чемоданами. Их тридцать два человека, в том числе женщины и дети. Из уезжающих мужчин сохранились лишь имена Ленина, Зиновьева и Радека. После скромного прощального обеда они подписывают документ, в котором подтверждается, что им известно сообщение «Пти паризьен», где русское Временное правительство заявляет, что будет считать изменниками всех лиц, приезжающих в Россию через Германию.

Тяжелыми, неуклюжими буквами они подписываются, что всю ответственность за этот выбранный ими маршрут берут на себя и все условия поездки принимают. Спокойно и решительно приготовились они к всемирно-исторической поездке.

Их появление на вокзале не привлекает ничего внимания. Нет ни репортеров, ни фотографов. Кому известен в Швейцарии этот господин Ульянов в мятой шляпе, поношенном костюме и до смешного тяжелых горных ботинках (он сменит их только в Швеции); с группой мужчин и женщин, нагруженных багажом, молчаливый и незаметный, ищет он место в поезде. Ничем не отличаются эти люди от бесчисленных переселенцев — югославов, русинов, румын, сидящих на своих фанерных чемоданах на платформе цюрихского вокзала и получивших несколько часов передышки, прежде чем тронуться дальше, к французскому морю, а оттуда — за океан. Швейцарская рабочая партия, порицающая этот отъезд, не прислала своих представителей, пришли лишь несколько русских, чтобы передать с отъезжающими приветы и немного продуктов близким на родину, и еще несколько человек, чтобы в последнюю минуту отговорить Ленина от «безрассудной, от преступной поездки». Но решение принято. В три часа десять минут кондуктор дает сигнал. И поезд уходит к Готтмадингену, германской пограничной станции. Три часа десять минут — с этого момента у часов мира другой ход.

Пломбированный вагон

Миллионы смертоносных пуль были выпущены в мировую войну, огромные, гигантской разрушительной силы снаряды дальнобойной артиллерии были созданы инженерами для войны. Но ни один снаряд не имел столь серьезных последствий, не повлиял так на судьбы мира в Новой истории, как этот поезд с самыми опасными революционерами столетия, людьми, преисполненными неистребимой решимости; вот несется он в этот час от швейцарской границы через всю Германию к месту назначения — Петербургу, чтобы взорвать там порядок нынешнего времени.

На рельсах станции Готтмадинген стоит этот уникальный снаряд, вагон второго и третьего классов, в котором женщины и дети занимают места второго класса, мужчины — третьего. Меловая черта на полу коридора отделяет суверенную территорию русских от купе двух германских офицеров, сопровождающих этот транспорт живого тринитротолуола. Поезд без происшествий несется сквозь ночь. Только во Франкфурте вагон неожиданно осаждают германские солдаты, узнавшие о проезде русских революционеров,

и еще — однажды проезжающим приходится отклонить попытки немецких социал-демократов объясниться с ними. Ленин прекрасно знает, какое подозрение навлечет он на себя, если обменяется хотя бы одним словом с немцем на немецкой земле. В Швеции их встречают торжественно. Изголодавшиеся, спешат они к столу, сервированному для завтрака. Предложенный хлеб с маслом кажется им чудом кулинарии. В Швеции Ленин покупает себе ботинки и кое-что из верхней одежды. Наконец они добираются до русской границы...

Снаряд взрывается

Поведение Ленина в первые минуты по возвращении на родину весьма характерно. Он не видит своих соотечественников, он не смотрит на них, нет — прежде всего он бросается к газетам. Четырнадцать лет он не был в России, не видел ни русской земли, ни российского государственного флага, ни солдатской формы. Но этот железный идеолог не раздражается слезами, как другие, не обнимает, как его спутницы, ничего не понимающих, обескураженных солдат. Сначала газету, «Правду», чтобы проверить, что газета, его газета, достаточно решительно держится интернациональной ориентации. Серdito мнет лист. Нет, недостаточно, все еще пестрят на ее полосах слова «отечество», «патриотизм», все еще недостает чистой революции в его духе. И он чувствует: пришло время взять штурвал, круто повернуть его, во что бы то ни стало реализовать идеи всей своей жизни. Удастся ли это? Последние часы волнений, последние страхи. Не прикажет ли Милюков арестовать его сразу же по приезде в Петроград? Город теперь называется так, но через несколько лет он сменит свое имя. Каменев и Сталин, друзья, выехавшие к нему навстречу, уже в поезде, они таинственно усмеваются в темном купе третьего класса, скудно освещаемом огарком свечи. Они не отвечают или не хотят отвечать.

Но неслыхан ответ, который дает действительность. Поезд подходит к перрону Финляндского вокзала, огромная площадь перед ним, заполненная десятками тысяч рабочих, почетным караулом всех родов войск, ожидающих возвращающихся из изгнания, раздражается пением «Интернационала». И когда Владимир Ильич Ульянов выходит из вагона, то его, человека, только позавчера снимавшего комнату у сапожника по мелкому ремонту, подхватывают сотни рук и поднимают на броневик. На Ленина направляются прожектора — и крепостные, и установленные на крышах домов; с броневика он обращается со своей первой речью к народу. Улицы бурлят, скоро начнутся те «десять дней, которые потрясли мир». Снаряд разорвался и превратил в развалины империю, мир.